
Иосиф Иосифович Колышко и его «Великий распад»

«Сядьте и напишите свою исповедь <...> Но как напишите! Так напишите, чтобы исповедь Жана-Жака Руссо, которая вошла уже в поговорку, была недосказанной в сравнении с тем, что Вы напишете <...> Пишите все, без всякой утайки. Выверните себя наизнанку — тогда, может быть, Вам поверят <...>

Начните с того, как Вас еще кадетиком взял к себе князь Мещерский, как благодаря ему вы делали свою карьеру, как Вы за взятки, будучи чиновником, проводили дела, как Вы попали в печать, писали под тремя псевдонимами в трех разных газетах, едко переругиваясь сам с собой, как Вы попали в секретари Витте, как Вы после этого Витте осмеивали.

Упомяните о Вашей истории со смолянкой, ради которой Вы бросили семью. Как Вы, пользуясь Вашим положением известного фельетониста Баяна, влезли в целый ряд акционерных обществ и получали там большие оклады <...>

Еще многое другое, что я сейчас не припоминаю, Вы напишите и тогда перейдите к главному — расскажите, что вы делали тогда в Швеции, как вы жили там с немкой, которая была агентом немецкого Генерального штаба, как вы привезли в Россию проект сепаратного мира с Германией и как Вы хотели получить за это миллион»¹.

Так говорил И.И. Колышко журналист и писатель В.П. Крымов во время их встречи в номере гостиницы в Ницце в начале 1930-х гг. (вероятнее всего, в 1933 г.). Несколько дней спустя, когда В.П. Крымов покидал французскую Ривьеру, И.И. Колышко провожал его на вокзале, «точно помолодевший, выпрямившийся», и сказал на прощание: «Я пишу... Вы меня заразили вновь энергией. Я напишу все, как на исповеди»².

Через некоторое время В.П. Крымов получил объемистую папку — рукопись И.И. Колышко. Однако оказался разочарован: «Это была не исповедь, это была полемика — такую рукопись нельзя было напечатать, ни к чему, и ему она не по-

¹ *Крымов Вл.* Портреты необычных людей // Новое русское слово. 1962. 30 сентября. См. также главу «И.И. Колышко — Баян» в его книге «Портреты необычных людей» (Париж, 1971. С. 151–157).

² Там же.

служила бы на пользу»¹. Поэтому В.П. Крымов передал ее известному собирателю русских бумаг за границей Б.И. Николаевскому. Сейчас она хранится в составе его коллекции в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфорд, Калифорния, США)² и публикуется с любезного разрешения попечительного совета архива.

Тем не менее, содержание рукописи заслуживает того, чтобы она была представлена на суд читателей. Прежде всего, из-за личности автора — И.И. Кольшко. Современники были на редкость единодушны в его оценке. Они признавали исключительный литературный талант публициста, его личное обаяние: «В разговорах Кольшко был очень интересен, остроумен и едок и в то же время мог расположить к себе, если хотел. Он очень нравился женщинам»³. «Собеседник Кольшко был изумительный. Слушая его, казалось, будто для него не существует секретов ни в правительственных сферах, ни в думских кругах столицы. Журнальный мир Москвы и Петрограда он знает до мельчайших тонкостей, не стесняясь в классификациях и оценках»⁴. Одновременно те, кто знал И.И. Кольшко, также единодушно говорили о нем как об аморальной, авантюристической личности. К сожалению для автора, такие оценки имели под собой достаточно оснований, это видно и из текста его мемуаров. Но злобы на него не держали, скорее обличая — «отпущали». Тот же В.П. Крымов выдал И.И. Кольшко индульгенцию: «За его талант многое простится ему, может быть, все; настоящих талантов мало, он был настоящим, и точно волею судеб у талантливого человека должны быть какие-то непонятные другим изломы и даже пороки»⁵.

Вряд ли следует сейчас лишний раз обращаться к моральному облику автора или пытаться судить его. «Великий распад» интересен, прежде всего, тем, что он написан незаурядным человеком, пытавшимся осмыслить происшедшее с ним и с Россией и найти этому свои объяснения и оправдания. Автор так и поставил перед собой задачу — «зарисовать в лицах причины великого российского распада». Да и знал И.И. Кольшко действительно немало, поэтому его портреты политиков и литераторов не только колоритны, но и остры, составлены человеком с зорким взглядом.

О самом И.И. Кольшко известно не так уж много. Он родился в польской дворянской семье в Ковенской губернии 27 июня 1861 г. Иосиф пошел по стопам своего родителя — офицера-кавалериста. В 1878 г. он окончил Полоцкую военную гимназию, а в 1880 г. — Николаевское кавалерийское училище, откуда вышел корнетом во Второй лейб-гвардии уланский Курляндский полк⁶. Однако военная служба мало привлекала молодого поручика (с января 1881 г.).

¹ Крымов Вл. Портреты необычных людей // Новое русское слово. 1962. 30 сентября. См. также главу «И.И. Кольшко — Баян» в его книге «Портреты необычных людей» (Париж, 1971. С. 151–157).

² Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I. Nikolaevsky Collection. Box 193. № 6–9.

³ Крымов Вл. Ук. соч.

⁴ Троцкий И. Со ступеньки на ступеньку (к портрету И.И. Кольшко) // Новое русское слово. 1962. 2 декабря.

⁵ Крымов Вл. Ук. соч.

⁶ Биографические сведения об И.И. Кольшко приведены в статье А.В. Чанцева в биографическом словаре «Русские писатели, 1800–1917» (Т. 3. К-М. М., 1994. С. 31–32).

Жизненный путь И.И. Колышко резко изменился после того, как он в 1881 г. встретился с князем В.П. Мещерским. На какой почве произошло это знакомство, неизвестно. С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» намекнул, что оно было связано с интересом князя-педераста к молоденьким солдатам и офицерам, поставив И.И. Колышко в один ряд с Н.Ф. Бурдуковым и другими «друзьями» Мещерского¹. И.И. Колышко категорически отвергал подозрение (видимо, именно за это он страшно обиделся на С.Ю. Витте, что нашло отражение в критике его мемуаров). Но, как бы то ни было, «Гражданин» стал первой трибуной для публицистических опытов И.И. Колышко, который писал в нем под псевдонимом «Серенький». Князь же составил ему протекцию в бюрократическом мире, после того как начинающий автор сменил офицерский мундир на фрак, став в 1883 г. чиновником для особых поручений при министре внутренних дел Д.А. Толстом.

Сразу после назначения С.Ю. Витте министром путей сообщения (1892 г.) И.И. Колышко объявился под его крылом, и новоиспеченный министр послал его на ревизию Могилевского округа путей сообщений. Чистка ведомства была в интересах С.Ю. Витте, начавшего свою недолгую карьеру в путевом ведомстве с искоренения не порядков. И.И. Колышко выявил значительные злоупотребления, начальник округа был предан суду, несмотря на противодействие Сената. Однако С.Ю. Витте остался недоволен: «До меня начали доходить сведения, что хотя Колышко и хорошо проводит расследования, но держит себя при этом полхлестаковски, т.е. придает положению, которое он имеет в Петербурге, совсем несоответствующее значение», изображая из себя важного чиновника².

При А.К. Кривошеине положение И.И. Колышко в Министерстве путей сообщения еще более укрепилось, он стал членом Совета временного управления казенных дорог. Но ненадолго: в каком-то деле И.И. Колышко проворовался. По слухам, проступок даже грозил судом³. Возможно, история была связана с вымогательством взятки у инженера Буланжье, хлопотавшего об устройстве железного завода на кабинетских землях. И.И. Колышко прямо заявил инженеру, что он должен дать известную сумму для передачи Мещерскому и министру А.К. Кривошеину. Е.В. Богданович, которому Буланжье передал свой разговор, был уверен, что полученную сумму И.И. Колышко обязательно присвоил бы себе⁴. В результате этого скандала в декабре 1894 г. будущему мемуаристу пришлось покинуть службу. Позднее, семь лет спустя, он поступил в Министерство финансов, опять к Витте, и продолжал числиться там до 1917 г., дослужившись до чина действительного статского советника

Такая служебная карьера, как у Колышко, была совершенно нетипичной. Он не высиживал чины усердием, не добивался успеха бюрократическим талантом и не происходил из сиятельного семейства. Стремительный взлет молодого чиновника можно объяснить лишь влиятельнейшей протекцией (почему В.П. Мещерский так покровительствовал своему сотруднику?) и взятками. В любом случае,

¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 266.

² Там же. С. 262.

³ Там же. С. 291–292.

⁴ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 185. Запись 22 ноября 1893 г.

его деятельность с конца 1880-х гг. была окружена атмосферой грязи, злоупотреблений и скандалов.

Одновременно И.И. Кольшко стал плодовитым публицистом. Он активно сотрудничал в трех газетах: помимо «Гражданина» В.П. Мещерского, это были «Санкт-Петербургские ведомости» (под псевдонимом Рославлев), а позднее — «Русское слово» И.Д. Сытина — В.М. Дорошевича¹ (под псевдонимом «Баян») и «Биржевые ведомости» («Вох»). В 1903 г. он пытался возглавить «Санкт-Петербургские ведомости», интригуя против князя Э.Э. Ухтомского, но неудачно. Против И.И. Кольшко был категорически настроен В.К. Плеве, считавший публициста вором². К этому времени сократилось и его влияние на В.П. Мещерского — главным фаворитом князя стал Н.Ф. Бурдуков. Тем не менее, И.И. Кольшко не только продолжал оставаться одним из основных авторов «Гражданина», но и участвовал вместе с В.П. Мещерским в закулисных политических маневрах перед началом первой русской революции. В частности, он был хорошо осведомлен о совместных действиях князя и министра финансов, направленных на смещение В.К. Плеве и установление «диктатуры Витте» на четыре года с одновременным проведением ряда либеральных реформ³. И.И. Кольшко в тот момент играл роль посредника между С.Ю. Витте и В.П. Мещерским. Публицист также продолжал сотрудничество и лично с С.Ю. Витте, играя роль его наемного пера. В частности, И.И. Кольшко принял активное участие на стороне С.Ю. Витте в полемике относительно виновников русско-японской войны⁴. Наиболее яркий пример его деятельности в этом качестве — составление всеподданнейшего доклада С.Ю. Витте 17 октября 1905 г., в котором предлагалось учредить в России пост премьер-министра — главы объединенного правительства.

По свидетельству самого И.И. Кольшко, он ушел в политическое небытие вместе с отставкой С.Ю. Витте с поста премьер-министра в апреле 1906 г. Он продолжал заниматься публицистикой и небезуспешно выступил как драматург. По всей России прогремела его пьеса «Большой человек», где под именем В.А. Ишимова публика без труда признала С.Ю. Витте. Опальный сановник предстал выходцем из низов, космополитом, болеющим за развитие империи. Фигуре С.Ю. Витте был присущ трагизм: И.И. Кольшко изобразил его как человека, прорвавшегося к большой власти, после чего сохранение полученного влияния превратилось в единственную цель. Пьеса не была шедевром драматургии, главный пафос произведения заключался в пятом акте, когда главные герои обсуждали государственные проблемы России. Эта сцена неизменно срывала аплодисменты. А И.И. Кольшко неплохо на ней заработал: в 1917 г. он утверждал, что получил от постановок этой и еще двух других пьес (которые, впрочем, были неудачны) 200 тысяч рублей⁵. С.Ю. Витте вроде бы не обиделся, но незадолго до его смерти они поссорились. Летом 1914 г. отставной сановник открыто говорил, что закрыл для И.И. Кольшко двери своего дома, и обещал со временем

¹ Газета была основана в 1895 г., В.М. Дорошевич пришел в нее в 1901 г.

² *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 288. Запись 20 июня 1903 г.

³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С. 465. Запись 1 августа 1904 г.

⁴ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 356–357, 362.

⁵ *Кольшко И.И.* Мое дело. Пг., 1917. С. 51–52.

вывести его «на чистую воду»¹. Но, кажется, не успел этого сделать, Возвращение И.И. Колышко в политику состоялось неожиданно и оказалось эпизодом, связанным с переговорами о сепаратном мире в 1916 – начале 1917 гг.

Вопрос о сепаратном мире — одна из самых загадочных, неясных страниц истории Первой мировой войны. Несмотря на то, что мнение историков единодушно: дело не двинулось дальше зондирования почвы, тем не менее, немало темных мест в тех событиях еще остается². В частности, для России вопрос о сепаратном мире оказался тесно связан с внутренним политическим кризисом, вокруг которого вращалось большое количество самых разных интриг. Поэтому исследователи еще не раз будут обращаться к взаимосвязи этих двух сюжетов.

В первые год-полтора войны немцы в поисках контакта стремились использовать максимально простые пути для своих зондажей (например, через фрейлину императрицы Александры Федоровны княгиню М.А. Васильчикову и т.п.). Они пытались вступить в непосредственный контакт с российскими правителями для переговоров о мире. Столкнувшись с неудачей, они стали действовать менее прямолинейно. Германия все больше склонялась к целенаправленному воздействию на российское общественное мнение с тем, чтобы посеять в нем убеждение в необходимости скорейшего завершения войны. Центром многих неофициальных контактов в 1916 г. стал Стокгольм. Столица нейтральной Швеции была едва ли не самым удобным местом, куда без труда могли приезжать представители всех воюющих держав. Сюда устремились также многочисленные авантюристы и аферисты, контрабандисты и коммивояжеры, обделывающие выгодные сделки, разведчики всех мастей и просто проходимцы, чувствующие запах наживы. В этой среде оказался и И.И. Колышко, правда, его появление стало делом случая.

Как пишет сам И.И. Колышко, в Стокгольме после начала мировой войны он оказался благодаря своим амурным связям. Его очередная подруга — немка Э. Брейденбенд — была вынуждена покинуть Россию как германская подданная. К тому же в Швеции он оказался с коммерческим поручением — покупать сталь для российских заводов. Окунувшись в мутную атмосферу шведской столицы, И.И. Колышко быстро почувствовал себя в родной среде. По-видимому, в 1915 г. он стал одним из осведомителей немецкого посла Г. Люциуса об обстановке в России³. Связь с ним он поддерживал через шведского банкира Г. Бокельмана (который до 1914 г. занимался финансовыми операциями в Москве) и свою подругу⁴. Что подтолкнуло И.И. Колышко к работе на немцев — сказать сложно. Не исключено, что деньги — кажется, публицист в них нуждался. Дальше — больше.

¹ *Троцкий И.* Обесчещенный талант // Новое русское слово. 1962. 24 ноября. Тем не менее, 8 декабря 1914 г., незадолго до кончины графа, публицист снова появился в его доме (Последний год жизни Сергея Юльевича Витте. По дневникам наружного наблюдения 1914–1915 гг. // Исторический архив. 2004. № 4. С. 81).

² Это хорошо заметно по весьма обстоятельной книге С.П. Мельгунова «Легенда о сепаратном мире (канун революции)» (Париж, 1957), в которой содержится как обилие деталей, так и немалое число противоречий.

³ Г.М. Катков — Б.И. Николаевскому 12 марта 1962 г. // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I. Nicolaevsky collection. Box 486. № 3. Г.М. Катков установил этот факт, изучая немецкие архивы.

⁴ *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С. 84.

Считая, что он установил канал связи с немцами, И.И. Кольшко решил играть серьезную политическую роль — участвовать в организации переговоров о сепаратном мире. В первой половине 1916 г. он дважды встречался в Петрограде со своим старым знакомым по салону В.П. Мещерского, а тогда премьер-министром Б.В. Штюрмером, обсудив с ним возможные перспективы сепаратного мира¹. Появление И.И. Кольшко совпало с желанием самого Б.В. Штюрмера прозондировать почву о возможности выхода России из войны. Разумеется, он делал это не на свой страх и риск, а скорее исполнял поручение, за которым, по-видимому, стояли императрица Александра Федоровна и в какой-то степени Г.Е. Распутин. Не случайно в переписке царской четы с весны 1916 г. начинает мелькать уверенность в скором, к концу года, завершении войны². Конечно, сам И.И. Кольшко вряд ли был вполне осведомлен о том, кто стоял за этим интересом. Получив одобрение главы правительства, он вернулся в Стокгольм и рьяно принялся за дело. Публицист немедленно вступил в переговоры с немецким магнатом Гуго Стиннесом, они были весьма интенсивными и продолжались с 1 (13) по 27 мая (6 июня) 1916 г. Стороны обсуждали приемлемые для России варианты завершения войны: в обмен на приобретения в Галиции и Малой Азии Россия теряла Польшу, которая получала автономию с вхождением в таможенное пространство Германии. Судьба прибалтийских территорий вызывала споры: И.И. Кольшко хотел бы (правда, не категорично), чтобы немцы вернули России Вильно, Ковно и Гродно. Однако результата эти контакты не имели. Г. Стиннес получил из Берлина указание на нецелесообразность дальнейших бесед с И.И. Кольшко, так как германское руководство предпочитало дожидаться, пока Россия выразит готовность к миру в недвусмысленной форме³. Также складывается ощущение, что Берлин не относился слишком серьезно к подобным встречам: и личности их участников, и отсутствие у них внятных полномочий свидетельствовали, как минимум, о том, что до реального диалога о мире все равно оставалась дистанция огромного размера. И.И. Кольшко, также не имевший никакого мандата, наверное, понимал шаткость своей позиции, поэтому просил немцев обратиться к небезызвестному И.Ф. Манасевичу-Мануйлову, «умственному аппарату» Б.В. Штюрмера, который летом 1916 г. должен был прибыть в Стокгольм для установления прямых контактов с немцами⁴. Но произошло неожиданное: не-

¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917. Л., 1967. С. 279–280; Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 85. Катков скептически относится к рассказам И.И. Кольшко о встрече со Б.В. Штюрмером, полагая, что ничего конкретного там обговорено не было. В.С. Дякин же отметил, что одновременно с последовавшими переговорами И.И. Кольшко в Стокгольме Б.В. Штюрмер добился отставки С.Д. Сазонова, а в столице поползли настойчивые слухи, что война будет окончена к концу года (Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917. Л., 1967. С. 280).

² Ганелин Р.Ш. Странники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972. С. 136–137.

³ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 142; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 184.

⁴ Скорее всего, появление И.Ф. Манасевича-Мануйлова было вызвано не боязнью И.И. Кольшко перед Б.В. Штюрмером из-за неудачи со Г. Стиннесом (Ганелин Р.Ш. Указ.

задолго до поездки, 19 августа И.Ф. Манасевич-Мануйлов был арестован за шантаж. Следовательно, вся комбинация рухнула¹. Могли ли за этим разоблачением афериста стоять противники сепаратного мира, неизвестно. Тем не менее, связка Колышко—Штюмер после этой неудачи более не проявлялась на политической арене.

Контакты И.И. Колышко с немцами получили иное продолжение. В июне 1916 г. в Стокгольм из Германии приехал хорошо известный кадетским лидером князь Д.И. Бебутов, находившийся там с начала войны и намеревавшийся вернуться в Россию². Князь уже оказывал услуги немцам (Генеральному штабу), в Швеции он, так же как и И.И. Колышко, искал пути к сепаратному миру. Два авантюриста не могли не встретиться, — возможно, это произошло не без участия русского посланника в Стокгольме А.В. Неклюдова, который принимал Д.И. Бебутова и вообще был не чужд действий, выходящих за рамки его официального статуса. Вскоре оба они представили немцам схожие планы по приобретению средств массовой информации в России для ведения через них пронемецкой пропаганды. Размах у Д.И. Бебутова был шире, чем у И.И. Колышко: он предлагал приобрести три русские газеты: «Новое время», «Русские ведомости» и «День», просил на это 10 млн. рублей и обещал поддержку ряда еврейских предпринимателей (Л.И. Бродского, Д.Л. Рубинштейна). Однако немцы доверяли Д.И. Бебутову едва ли не меньше, чем И.И. Колышко, поэтому не согласились на его предложение³. Тем не менее, они поддерживали с ним контакт через Г. Бокельмана. Возможно, что его идеи взял на вооружение И.И. Колышко. Так, он, как и Д.И. Бебутов, планировал привлечь к сотрудничеству М. Горького.

Случайным эпизодом этой политической возни в Швеции стала встреча возвращающихся домой из поездки по Европе членов российской парламентской делегации А.Д. Протопопова и Д.А. Олсуфьева с немецким банкиром Ф. Варбургом в Стокгольме 23 июня (6 июля) 1916 г.⁴ Есть сведения, что организовал эту встречу И.И. Колышко. Он якобы встретил прибывших туда после поездки по

соч. С. 143), а желанием поднять статус контактов: И.Ф. Манасевич-Мануйлов был известен как личный секретарь премьера и его доверенное лицо

¹ Связаны ли были эти два события — арест и несостоявшаяся поездка в Стокгольм — неизвестно. По крайней мере, у меня нет сведений об их взаимообусловленности.

² О его появлении У. Брокдорф-Ранцау, немецкий посланник в Копенгагене, сообщил в Берлин 21 июня 1916 г. (Г.М. Катков — Б.И. Николаевскому 12 марта 1962 г. // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I. Nicolaevsky collection. Box 486. № 3).

³ Г.М. Катков — Б.И. Николаевскому 12 марта 1962 г. // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I. Nicolaevsky collection. Box 486. № 3. Утверждение И. Троцкого, ссылавшегося на немецкие источники, о том, что в июле 1916 г. И.И. Колышко вместе с Д.И. Бебутовым заключили с Г. Бокельманом договор о создании в Петербурге издательства, скорее всего, неточно (*Троцкий И.* Со ступеньки на ступеньку (из записных книжек журналиста) // Новое русское слово. 1967. 3 июля).

⁴ Предварительно думская депутация встретилась у А.В. Неклюдова с Д.И. Бебутовым. Однако князь повел себя настолько бестактно, расписывая благоприятное положение Германии, что посланнику пришлось предупредить членов делегации, что Д.И. Бебутов может являться германским агентом. Эту историю сообщил Г. Бокельману И.И. Колышко (Г.М. Катков — Б.И. Николаевскому 12 марта 1962 г. // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I. Nicolaevsky collection. Box 486. № 3).

Европе А.Д. Протопопова и Д.А. Олсуфьева, и после того, как последний выразил желание встретиться с кем-нибудь из «интересных немцев», немедленно представил им Ф. Варбурга, бывшего, как и И.И. Колышко, одним из осведомителей Г. Люциуса. Во время встречи, длившейся около полутора часов, больше говорил Ф. Варбург, развивая тему: сепаратный мир нужен, прежде всего, России¹. То, что встреча была экспромтом, не вызывает сомнения. Косвенно это доказывается реакцией на нее в Берлине: министр иностранных дел Г. Ягов, прочитав депешу о беседе, заметил, что русские основательно «подоили» Ф. Варбурга, практически ничего не сообщив ему в ответ².

После неудачи со Б.В. Штюмером и И.Ф. Манасевичем-Мануйловым И.И. Колышко продолжил контакты со Г. Стиннесом. Однако тема их изменилась: вместо сепаратного мира речь пошла об организации в России пропаганды за скорейшее прекращение войны. Эта тема возникла, по-видимому, параллельно с переговорами о сепаратном мире. Еще до ареста И.Ф. Манасевича-Мануйлова, 12 августа 1916 г., Г. Стиннес согласился предоставить Г. Бокельману заем в 2 млн. руб. для финансирования издательства в России³. И.И. Колышко тут же начал действовать. Осенью 1916 г. он заявил И. Троцкому, что планирует войти в руководство «Петроградского курьера», который, якобы, должна приобрести некая «группа общественников и финансистов»⁴.

Начало 1917 г. И.И. Колышко провел в Копенгагене, где установил контакт с А.Л. Парвусом (Гельфандом). По-видимому, это дало толчок «предприятию» журналиста уже после Февральской революции, так как А.Л. Парвус советовал немцам отнестись к нему со всей серьезностью⁵.

¹ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 102–103. По вопросу об инициаторах этой встречи и даже ее участниках полной ясности нет до сих пор. Непосредственные свидетели писали о ней в общих чертах, и, судя по расхождениям, им было что скрывать. Так, А.В. Неклюдов даже не упомянул И.И. Колышко в связи с этой историей (*Nekludoff A. Diplomatic Reminiscences before and during the World War 1911–1917. L., 1920. P. 424–429*). Депутату Государственной думы М.М. Ичасу — члену российской парламентской делегации — дипломат заявил, что не сочувствовал этому свиданию (вряд ли полезно), но и не препятствовал ему (не может ничего указывать депутату Думы) (Рассказ М. Ичаса о встрече Протопопова с Варбургом в Стокгольме // Русские ведомости. 1916 г. 20 декабря. № 293. С. 4–5). В других рассказах А.В. Неклюдов утверждал, что не знал о намерении Г. Люциуса присутствовать на разговоре с русскими (документ без названия, в котором излагается рассказ А.В. Неклюдова о стокгольмском свидании А.Д. Протопопова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 695. Л. 208). Сам И.И. Колышко по-разному описывал детали встречи. В другой своей рукописи «Скандинавия в годы войны» (см. Приложение) он представил инициатором разговора с немцами А.Д. Протопопова. По немецким источникам, роль «сводни» принадлежала не И.И. Колышко, а М.С. Гуревичу, представителю общества «Мазут» в Швеции, и, по-видимому, резиденту русской разведки. Инициатива же исходила якобы от Д.А. Олсуфьева (*Дьякин В.С. Указ. соч. С. 281*).

² *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 145.

³ *Аронсон Г.* Россия накануне революции. Исторические этюды. Мадрид, 1986. С. 103.

⁴ *Троцкий И.* Со ступеньки на ступеньку (к портрету И.И. Колышко) // Новое русское слово. 1962. 2 декабря.

⁵ У. Ранцау — в МИД 16 марта 1917 г. // *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 281–282.

Далее на пути И.И. Колышко встретился М. Эрцбергер — депутат рейхстага, лидер партии католического центра, отвечавший за организацию пропаганды вне Германии, оппонент, даже враг Г. Стиннеса, по представлению публициста. С И.И. Колышко М. Эрцбергер рассуждал о всеобщем, а не сепаратном мире, и, в отличие от Г. Стиннеса, предлагал возвращение к довоенному положению, при этом России обещалась Галиция и проливы. Сведения об этом дошли до Г. Стиннеса (через И.И. Колышко?), тот попытался дезавуировать условия, заявив, что М. Эрцбергер не имел никаких полномочий. И.И. Колышко и М. Эрцбергер встречались дважды, первый раз — 26 марта в Стокгольме в доме Гуревича¹. Во время второго свидания 19 апреля они составили проект договора о сепаратном мире. Казалось, что на сей раз все обстоит серьезно. И.И.Колышко после переговоров с М. Эрцбергером бросился немедленно в Россию с проектом сепаратного договора. Одновременно он получил от Г. Стиннеса деньги на приобретения российской прессы (по-видимому, речь шла об обещанных ранее двух миллионах)².

В Петрограде публицист появился 18 апреля (1 мая) 1917 г.³ Однако настоящему развернуться он не сумел, так как сразу попал в поле зрения русской контрразведки. Скорее всего, о нем сообщил А.Р. Кугель, известный журналист и фактический хозяин газеты «День». С ним И.И. Колышко встречался дважды, первый раз — 22 или 23 апреля. Вероятно, И.И. Колышко сгубило хвостовство: перед А.Р. Кугелем он бахвалился большими деньгами, настойчиво уверяя собеседника, что их происхождение «чистое». Он также рассказал ему о встрече с М. Эрцбергером и о его мирной инициативе, после чего стал убеждать А.Р. Кугеля в необходимости пропаганды мира⁴. Уже этого было достаточно, чтобы у петроградского газетчика возникли вполне обоснованные подозрения, и он обратился в контрразведку. Кроме того, о намерениях И.И. Колышко был извещен член Петроградского совета Г.М. Эрлих (незадачливый «посол мира» безуспешно добивался встречи с ним как с представителем власти) и П.Е. Щеголев, игравший роль посредника. Связи И.И. Колышко и его деятельность оказались «под колпаком», они отслеживались более полутора месяцев, а когда журналиста и его подельников внезапно арестовали в ночь с 22 на 23 мая (4–5 июня), в руки контрразведчиков попали еще и некоторые документы, крайне неприятные для Колышко, в том числе его корреспонденция в Швецию⁵.

«Большая часть телеграмм шла в Стокгольм по адресу госпожи Брейденбейд (подруги Колышко — *И. Л.*), а некоторые из них на имя Гуревича. Все они были на французском языке». Смысл сообщаемого примитивно маскировался: «Из-за несогласий в бюро ожидаются скорые перемены его состава», «Богданов, по всей вероятности, скоро покинет бюро», «Переведите полмашины в

¹ Отчет М. Эрцбергера о поездке в Стокгольм 26–28 марта 1917 г. // Там же. С. 287–292; Аронсон Г. Чемпион сепаратного мира (по новым данным немецких архивов) // Новое русское слово. 1963. 26 декабря.

² И.И. Колышко якобы после переговоров с М. Эрцбергером отказался от продолжения контактов со Г. Стиннесом и в частности, от обещанных ему 15 млн. марок (Аронсон Г. Чемпион сепаратного мира (по новым данным немецких архивов) // Новое русское слово. 1963. 26 декабря). Но, кажется, эта информация неточна.

³ Колышко И.И. Указ. соч. С. 55.

⁴ Там же. С. 47–51.

⁵ Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937. С. 64–76.

Стокгольм, полмашины — в Христианию». Сопоставив содержание телеграмм и политические события, следователи поняли, что речь в них шла о Временном правительстве, а под псевдонимом «Богданов» фигурировал П.Н. Милюков. Помимо всего, одна из последних телеграмм была направлена на имя российского посланника в Стокгольме А.В. Неклюдова: «Ожидается назначение Терещенко. Искренне поздравляю»¹. Также у И.И. Кольшко был обнаружен печатный проект сепаратного договора России и Германии на 12 листах большого формата. Контрразведчики обратили внимание, что по этому проекту предусматривалась независимость Финляндии и Украины (как и у В.И. Ленина), а также на обещание выплатить публицисту аванс в 20 тысяч рублей². Еще одной существенной уликой стало длинное письмо И.И. Кольшко своей подруге-немке. В нем он с удовлетворением сообщил, что подготовлена почва для удаления из правительства П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова. Он также повторил просьбу перевести полмиллиона рублей через Стокгольм и столько же — через Христианию³. И.И. Кольшко намеревался приобрести «Петроградский курьер» (попытка восстановить сотрудничество в московском «Русском слове» не удалась).

Захваченные документы ничего не сообщали о шпионаже И.И. Кольшко в пользу Германии. Поэтому позднее, когда журналист отчаянно отбивался от обвинения, надо признать, что никаких доказательств этому так и не было обнаружено. Но вот о контактах с немцами они свидетельствовали однозначно. Причем, по данным контрразведчиков, получалось, что И.И. Кольшко стал частью единой цепи, действующей в пользу сепаратного мира, куда входили и большевики (в обоих случаях фигурировала фамилия прапорщика Степина).

Тем временем план Кольшко–Эрцбергера завершился неудачей. М. Эрцбергер, обещавший доказать серьезность намерений Германии выступлением в рейхстаге Т. Бетмана-Гольвега соответствующего содержания (о необходимости мира), был глубоко разочарован, когда канцлер отказался от этого плана и произнес 15 мая 1917 г. твердую, совсем не пацифистскую речь. По признанию самого М. Эрцбергера, она «чрезвычайно понизила шансы на заключение мира с Россией»⁴. Берлин же был взбешен действиями М. Эрцбергера: там показалось, что условия мира, которые он обсуждал с И.И. Кольшко, были недопустимо мягкими для Петрограда.

Тем не менее, для полного обвинительного заключения бумаг, обнаруженных у И.И. Кольшко, не хватало (мало ли кто что пишет в частной корреспонденции). Поэтому судебные власти, которым журналиста передали из контрразведки, выпустили его на свободу под залог в 30 тысяч рублей. И.И. Кольшко воспользовался этим и с пафосом бросился опровергать обвинение в шпионаже. Публицист подготовил и издал даже отдельную брошюру для доказательства собственной правоты⁵. Он утверждал, что никакого проекта мирного соглаше-

¹ Там же. С. 65–66. Текст несомненно свидетельствовал о близких отношениях публициста и дипломата, однако в своих мемуарах посланник в Стокгольме ничего не рассказал о своих связях с И.И. Кольшко.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 72.

⁴ Эрцбергер М. Германия и Антанта. М.; Пг., 1923. С. 202–207.

⁵ Кольшко И.И. Мое дело. Пг., 1917.

ния у него не было, а имелся лишь текст статьи из датской прессы, перевод которого записала его подруга. Однако документ, обнаруженный у него русскими контрразведчиками, никак не походил на газетную статью. На первом листе его имелось специально пропущенное место для того, чтобы позднее, от руки, вставить туда дату. Конечно, он был ни чем иным, как проектом условий мирного договора, составленного в ходе второй встречи с М. Эрцбергером, причем, как известно из другого источника, экземпляр для И.И. Колышко переписала его подруга-немка¹.

От большевиков И.И. Колышко предпочел скрыться. Есть сведения, что в 1918 г. он сотрудничал в киевской прессе пронемецкого направления². После этого незадачливый «агент влияния» эмигрировал в Европу. Оказавшись без средств, публицист занялся спекуляциями советскими ценными бумагами на берлинской бирже³. Этот эпизод из бурной биографии И.И. Колышко настораживает. Дело в том, что подобными операциями в Берлине занимались, как правило, люди, связанные с советскими спецслужбами. Если еще вспомнить и о том, что в Петрограде – Ленинграде благополучно проживала прежняя семья И.И. Колышко (а он был женат на княжне В.С. Оболенской)⁴, а сам журналист не только регулярно переписывался с родственниками, но и посылал им средства для жизни, неизбежно возникает вопрос: не сотрудничал ли он с новой властью в России? Ответа у меня нет, полагаю, агентом ЧК он не был, но нельзя исключить его контакты с соответствующими лицами. Однако состояния на бумагах сомнительной ценности И.И. Колышко не нажил. К началу 1930-х гг. он перебрался в Ниццу, там жил очень бедно, в основном на зарплату очередной своей подруги-француженки, перebиваясь случайными литературными заработками и выступлениями.

Некоторые свои размышления, касающиеся С.Ю. Витте, И.И. Колышко опубликовал еще в 1920-х гг. в Берлине, взбешенный вышедшими воспоминаниями покойного к тому времени сановника⁵. К составлению мемуаров журналиста, вероятно, подтолкнула нужда: в поисках заработка он в 1930 г. взялся редактировать «Вестник Ривьеры» «за грошовое вознаграждение» — 600 франков в месяц⁶ —

¹ Отчет М. Эрцбергера о беседе 19 апреля 1917 г. в Стокгольме // *Николаевский Б.И.* Указ. соч. С. 300.

² *Семенов В.П.* Политика Романовых накануне революции (от Антанты — к Германии). По новым документам. М.; Л., 1926. С. 138–139.

³ *Троцкий И.* Со ступеньки на ступеньку (из записных книжек журналиста) // Новое русское слово. 1967. 3 июля.

⁴ *Ганелин Р.Ш.* Российское черносотенство и германский национал-социализм // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 147. И.И. Колышко не скрывал, что материально помогает своей семье из-за границы, такая деятельность могла осуществляться только с санкции властей (не говоря уже о пристальном наблюдении за ней). Однако он называл свою супругу «Александра Федоровна» и сообщал, что у них двое детей — «голодающих и туберкулезных», а жена просто «умирает с голода и горя» (И.И. Колышко — В.И. Немировичу-Данченко 10 апреля 1930 г. // РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 132. Л. 5 об.). Вряд ли эти слова следует воспринимать буквально: журналист писал их В.И. Немировичу-Данченко с надеждой получить материальную поддержку.

⁵ *Баян.* Ложь графа Витте. Берлин, б/г.

⁶ И.И. Колышко — В.И. Немировичу-Данченко 10 апреля 1930 г. // РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 132. Л. 5.

и стал наполнять его собственными статьями, публикуя их под разными псевдонимами. Так появился цикл очерков «Россия и Витте» (составивший позднее значительную главу в мемуарах). И.И. Кольшко предполагал опубликовать его отдельной книгой («листов на 8–10»), но не нашел издателя¹. Там же, в «Вестнике Ривьеры», публицист поместил цикл очерков «Думы о России», где можно найти немало мест, перекликающихся с текстом его воспоминаний. Их он также хотел издать книгой. Наконец, у И.И. Кольшко имелся замысел и третьей книги — «Эскизы беженства». Интерес к этой теме нетрудно заметить по его очерку «Скандинавия во время Великой войны» (см. приложение). На рубеже 1931–1932 гг. у И.И. Кольшко, с его слов, появился издатель, готовый выпустить его мемуары на трех языках². Но проект по каким-то причинам не состоялся. Похоже, что текст, сохранившийся в коллекции Б.И. Николаевского, и был подготовлен И.И. Кольшко для этого издания. Из его титульного листа явствует, что выход книги в свет планировался в Берлине. Можно предположить, что за это бралось «Русское национальное издательство», где увидели свет воспоминания С.Е. Крыжановского, В.М. Вонлярлярского, там же публиковался хорошо известный И.И. Кольшко В.П. Крымов.

Однако «Вестник Ривьеры» продержался недолго, всего 9 месяцев. Кажется, в 1931 г. он уже не выходил³. Подготовленные статьи публицист пытался пристроить в различные, более успешные эмигрантские издания: «Мир и искусство» (Париж), «Наша речь» (Бухарест), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Иллюстрированная Россия» (Париж). Платили ему мало (в «Нашей речи», по словам И.И. Кольшко, — столько, что не хватит на корку хлеба)⁴. Больше, по-видимому, пообещали в Америке, поэтому туда мемуарист отправил свои лучшие тексты⁵. К началу 1932 г. «Новое русское слово» уже напечатало 12 больших очерков публициста⁶. Он использовал их также для публичных выступлений, об этом свидетельствуют тексты трех его лекций, сохранившиеся в Пражском архиве русской эмиграции⁷. Чуть позже, в 1934–1935 гг., он сотрудничал в берлинской

¹ И.И. Кольшко — В.И. Немировичу-Данченко 6 декабря [1930 г.] // РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 132. Л. 1.

² И.И. Кольшко — В. Робуру 5 января [1932 г.] // РГАЛИ. Ф. 2293. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

³ Время прекращения этого издания мне установить не удалось, так как ни в одной из библиотек Российской Федерации нет его полного комплекта. Но в имеющихся в библиотеке ГАРФ первых 21 номерах статьи И.И. Кольшко печатались постоянно.

⁴ И.И. Кольшко — В.И. Немировичу-Данченко 6 декабря [1930 г.] и 17 июня [1931 г.] // РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 132. Л. 1, 8.

⁵ И.И. Кольшко — В.И. Немировичу-Данченко 28 июня [1931 г.] // Там же. Л. 9.

⁶ И.И. Кольшко — В. Робуру 5 января [1932 г.] // РГАЛИ. Ф. 2293. Оп. 1. Д. 101. Л. 1. К сожалению, мне не удалось ознакомиться со всеми, но, как минимум, часть из них вошла в книгу воспоминаний (*Баян*. Пророки. Розанов–Мережковский–Гиппиус // Новое русское слово. 1931. 3 мая. № 6671; *Он же*. Тени минувшего. Распутин // Там же. 1931. 12 июля. № 6741; *Он же*. Тени минувшего. Витте // Там же. 1931. 2 августа. № 6762; *Он же*. Тени минувшего. Столыпин // Там же. 1931. 9 августа. № 6769).

⁷ *Свидетель*. Закат царизма. Силуэты. Император Александр III // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 345; *Он же*. Закат царизма. Император Николай II // Там же. Д. 346; От любви к ненависти — императора Николая II и Витте. Доклад И.И. Кольшко в Ницце от 23 января 1938 г. // Там же. Д. 347. Эти лекции представляют собой переработанные главы воспоминаний.

фашистской газете «Новое слово». Восхваляя фашизм как разновидность национализма, И.И. Колышко, вероятно, оказался недостаточно пропитан антисемитскими взглядами, и его имя вскоре исчезло из числа авторов¹. Скончался он в безвестности 10 апреля 1938 г. в Ницце.

Несмотря на то что И.И. Колышко не исполнил просьбу В.П. Крымова, его «Великий распад», тем не менее, представляет для современного читателя несомненный интерес. Задача, поставленная им перед собой, — показать причины краха самодержавной России — выродилась, по сути, в обличение старого строя, его порядков. Разумеется, автор был подчеркнуто пристрастен, что заметно даже непосвященному читателю. Конечно, в тексте отразились долгие размышления автора и о превратностях своей судьбы, и о катастрофе, постигшей Россию после 1917 г. На его заключения очевидное влияние оказали идейные искания в эмиграции, как политические, так и общеполитические (евразийство, славянство, популярная тема «Восток — Запад» и т.п.). Надо отдать должное И.И. Колышко: он мастерски владел пером, его рукопись содержит яркие зарисовки, образы, парадоксальные выводы, меткие наблюдения, ее легко и интересно читать. В часто используемых сравнениях и образах узнается «нововременская традиция» (А.С. Суворин, М.О. Меньшиков, С.Н. Сыромятников и др.). Привлекают внимание сделанные им портретные зарисовки известных писателей и литераторов начала XX в. — это, конечно, не их биографии, а зоркий взгляд талантливого публициста, пытающийся ухватить у каждого из своих героев самую яркую его черту. Разумеется, его наблюдения субъективны, но нередко — метки. Очень важно, что И.И. Колышко уделил немало внимания закулисной стороне жизни литературно-газетного и плутократического мира (гонорары, «дачи» и т.п.). Из других источников об этом известно не так уж много, а ряд сведений автора — уникален. Поэтому далеко не все сюжеты «Великого распада» сегодня возможно прокомментировать. Нельзя не сказать, что в деталях и фактах И.И. Колышко далеко не всегда точен (это помимо пристрастности). Он явно не имел под рукой никаких документальных источников, писал свои мемуары по памяти, которая оказалась, надо признать, далеко не идеальной.

Текст воспоминаний И.И. Колышко «Великий распад» представляет собой машинопись, разбитую на главы, без общей пагинации, с рукописной правкой. Приведенные выше соображения и некоторые фразы в тексте позволяют датировать его составление в основном 1930–1932 гг. Работа автора над мемуарами не была завершена, это можно заключить уже из сбоя при нумерации глав, а также многочисленных повторений одних и тех же сюжетов. Воспоминания публикуются полностью, в авторской редакции. Без оговорок исправлены лишь явные опечатки², а также написания фамилий.

И.В. Лукоянов

¹ Ганелин Р.Ш. Российское черносотенство и германский национал-социализм // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 146–147.

² В том числе, в кратких фразах на французском языке. Судя по ним, публицист слабо владел языком.